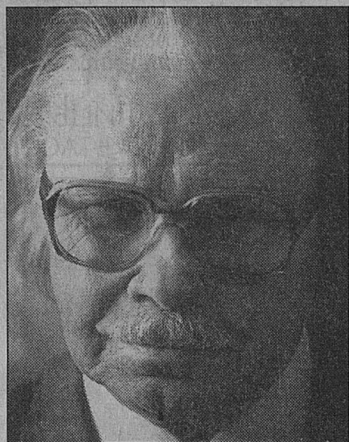

Не избегайте советов стариков

Кудьтара. - 2002. - 21-27 февр. - с. 8

В конце прошлого года к своему 80-летию народный художник СССР, лауреат Государственной премии России Владимир Александрович ИГОШЕВ получил необычный подарок — персональный музей в центре города Ханты-Мансийска — специально построенное, оригинальной архитектуры здание, в котором разместились десятки его живописных и графических работ, подаренных городу. В 1954 году Игошев впервые побывал в Югорском крае — и навсегда заболел Севером. Почти ежегодно он приезжал сюда, подолгу жил и много работал. Создал грандиозную живописную эпопею о природе и людях, их традициях, обычаях, обрядах, об их тяжелой и суровой жизни.

Первые же его ханты-мансийские работы, показанные в 1954 году на всероссийской и всесоюзной выставках, а в 1956 году — на персональной выставке, открыли обществу не только доселе малознакомый край и его народ, но явили новое самобытное дарование со своей манерой живописного выражения, стилистикой, красочной палитрой.

С тех пор вот уже более сорока лет на каждой большой выставке Игошев непременно показывает новые свои ханты-мансийские картины. Лучшие его произведения сразу попадали в музеи, в том числе в Третьяковскую галерею. Это "Молодой охотник", "Песня старого манси", "Старый манси", "Девочка манси", "Девушка из Саранпауля", "Девочка ханты", "Северная Мадонна", "Четыре поколения", "На слете оленеводов", серия портретов оленеводов и охотников, хантов и манси, детей и стариков.

За многие годы работы в Югорском крае он стал там своим, хорошо изучил людей, показал их реальную жизнь.

Но абсолютным "однолюбом" художника назвать нельзя. Круг его творческих интересов широк. У него есть картины и о тяжелом крестьян-

ском труде, об однополчанах-фронтовиках, о солдатских вдовах и обездоленных матерях. Он создал большую портретную галерею прославленных артистов московских театров и представителей научной интеллигенции.

— Как вы стали художником?

— Родился я на глухом хуторе Игошевском, в Башкирии. Рисовать стал рано, лет с четырех. Как-то к нам приехал священник. В церковном облачении, с кадилом в руке, он произвел такое большое впечатление, что я нарисовал его на какой-то картонке. Рисунок показал ему, он удивился и сказал: "Да ты, оказывается, талант!" Так я впервые услышал слово "талант"... В 1936 году я поступил в Уфимское художественное училище. В 1940-м был призван в Красную Армию, а вскоре началась война. Под Сталинградом в 1943 году был тяжело ранен, несколько месяцев пролежал в госпиталях... После выздоровления уехал в Уфу. И здесь устроил персональную выставку своих фронтовых зарисовок. Она имела большой успех, и меня приняли в Союз художников СССР. Но я хотел учиться дальше и в 1944 году поступил в Московский художественный институт им. В.И. Сурикова. Окончив его, уехал работать в Свердловск. С 1954 года началась

моя славная ханты-мансийская эпопея...

— К какой живописной школе вы себя причисляете?

— Этот вопрос всегда вызывает у меня недоумение. Почему обязательно нужно быть причисленным к какой-то школе? Да нет у меня никакой школы! Следую я реалистическим традициям. Учился у Рязского, Мочальского, Сергея Герасимова, Грабаря, Ефанова... Но никого из них не повторял, а вырабатывал свою манеру письма.

— А кто из старых художников вам ближе всего?

— Михаил Нестеров. Может быть, еще и потому, что, будучи учеником Уфимского художественного училища, я часто ходил в музей его имени, подробно изучил его картины, все его творчество.

— Но вы же такие разные — по тематике, стилю, манере выражения, по цветовой гамме...

— А я и не старался в чем-либо повторить Нестерова. Он близок мне по своему духовно-нравственному настрою. "Списывание" манеры кого-либо из известных мастеров я считаю недопустимым.

— Какая из ваших работ наиболее дорога вам?

— Небольшая картина "Озорница", исполненная в 1956 году. Сейчас она находится в Третьяковской га-

лерее. Считаю удачной картину "Старый манси" и некоторые другие свои северные работы.

— Я заметил, что вы пишете стариков с особым удовольствием...

— Да, люблю писать стариков. Они для меня интересны как некая концентрация бытия. И наша жизнь в России была бы иной, и выкарабкались бы мы из нынешней ловушки быстрее, если бы не избегали советов стариков, считались с опытом ветеранов.

— Какой жанр вам ближе всего?

— Ну, конечно, портрет. Но почему-то в постоянной экспозиции Третьяковской галереи "Искусство XX века" я представлен небольшим пейзажем. А ведь из одиннадцати моих работ, которые в ней хранятся, подавляющее большинство — именно портреты...

— Вы — участник Великой Отечественной войны. Как она отразилась в вашем творчестве?

— Кроме фронтовых рисунков, которые я показал на выставке в 1944 году, я написал несколько больших картин — "Прощальный взгляд", "Она все сына ждет". Они были приняты очень хорошо, репродуцировались в печати. Я получил много писем-откликов на них. Значительной картиной считаю "Незабываемую траншею". Сюжет ее прост: у заросшей бурьяном фронтовой траншеи стоит

старый солдат с палочкой — приехал он издалека, чтобы побывать здесь, где его тяжело ранили. Стоит в глубоком раздумье. О чем задумался? Пусть об этом сами зрители догадываются...

Лет тридцать назад исполнил я эскиз к большой картине, также посвященной инвалидам, ветеранам войны, да вот никак не могу ее закончить. К сожалению, сейчас на выставках почти не встретишь работ о прошедшей войне, о ее ветеранах, тех славных солдатах, которые принесли нам Победу. Почему так получается? Потому что они не воспринимаются должным образом, становятся ненужными... Так горько это понимать...

— Очевидно, картины, посвященные Ханты-Мансийску, остаются главными в вашем творчестве?

— Точнее — одними из главных. Я часто отвлекался от северной темы. Много ездил по России, изъездил немало и зарубежных стран — и везде писал. И об уральских металлургах, и о тяжелом крестьянском труде, и о московских метростроевцах...

Правда, с одним большим полотном случилась драматическая история. Писал я его уже в Москве, в 1969 году. Ходил к метростроевцам почти ежедневно, как на работу. Подружился с ними, и они меня считали уже своим. Вложил в картину всю душу, все силы, энергию. Как-то пришел в мастерскую Вучетич, покачал головой и сказал: "Ребята сильные, но страшноватые. Не возмущай у тебя картину..." Так и получилось. Выставком забраковал "Метростроевцев", не пустил их на выставку. А представитель Министерства культуры даже сравнил ее героев с бурлаками: "...а время-то у нас уже другое..."

— Что вы считаете главным в художнике?

— Умение чувствовать то, что ты пишешь. Не просто увидеть глазом — душой понять. А сейчас в искусстве много надуманного, много расчетливой, холодной игры, которую почему-то называют современной.

— Над чем вы сейчас работаете?

— А вот эта картина, перед вами. Назвал я ее "Инфанта". Да, да, от Веласкеса это, одного из любимых моих художников. Как он хорошо чувствовал детскость — тонко и чутко! Сколько в его "инфантах" любви, нежности, ласки. Вот эти чувства и мне хотелось бы передать. Недавно создал "Мадонну". Исполнил портрет писателя Василия Белова, мною горячо почитаемого. Как всегда, работаю ежедневно.

Слева: "Озорница". 1956 г. Справа: "Каюр с тынзыном". 1975 г.